

Е.В. Бородина

ИЗМЕНЕНИЕ ОСНОВ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В ПЕРИОД ВТОРОЙ ОБЛАСТНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Административные преобразования 1720–х гг. являются важной вехой в истории развития государственных учреждений Российской империи. Их проведение являлось попыткой создать новый, регулярный административный аппарат, который бы являлся отражением идеологии «полицейского» государства Петра Великого.

Эти изменения оказались освещены во многих обзорных исследованиях по периоду и по истории государственных учреждений. Тем не менее, сочинения по истории судостроительства никогда не ставили своей целью провести анализ работы нововведений в отдельных областях страны. То же можно сказать и об изучении характера судопроизводства в новых учреждениях.

В дореволюционной историографии можно выделить лишь два имени, которые связаны с изучением проведения второй областной реформы и работой новых судей и судебных учреждений в центральных губерниях страны¹. Советская историческая наука в целом не занималась этой проблематикой². Современная российская историческая наука лишь к середине 1990–х гг. начала обращаться к теме, получает развитие и история отдельных регионов. Тем не менее, о проведении петровских преобразований в отдельных регионах написано немного. Региональные особенности реформ Петра Великого изучаются на примере Урала и Западной Сибири и освещаются, в частности, в работах М.О. Акишина и Д.А. Редина; названные авторы уделяют внимание и взаимодействию общегосударственной администрации и суда.³

Тем не менее, при наличии трудов об административных и судебных нововведениях Петра Великого в последние годы его царствования пока не существует работ, которые бы задались целью провести исследование петровского судебного процесса и проследить, насколько он отличается от процесса XVII – начала XVIII в. Не изучено, в какой степени оказало влияние проведение административной и судебной реформ 1720–х гг. на процессуальную практику этого периода. Данная статья посвящена исследованию начал

судебного процесса на Урале и в Западной Сибири во время второй областной реформы Петра Великого. Эти регионы входили в состав Сибирской губернии⁴. На примере одной губернии будет проведен анализ основ судебного процесса петровского периода и процесса XVII столетия.

По замечанию многих исследователей, во время правления Петра Великого несколько раз происходила смена оснований судебного процесса. Общей тенденцией развития процессуального законодательства и судебной практики этого времени была постепенная замена состязательного процесса розыскным⁵. Суд, или состязательный процесс, являлся основой судопроизводства XVII века. В Соборном Уложении 1649 г. наметилась тенденция перехода к розыскному процессу, но главное место в этом документе все еще уделяется суду тяжущихся. Процессуальная сторона уголовного судопроизводства носила розыскной характер. Уложение не регламентирует розыскное делопроизводство, в источнике определяются только стадии следствия: допрос, очная ставка, повальный обыск, пытка⁶. В 1697 г. был издан указ о введении в судопроизводстве розыскного процесса, так как «в судах и очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавства». Это было подтверждено в 1715 г. «Воинским артикулом», который дал подробное описание ведения следствия⁷. Через семь лет, в 1723 г., указом «О форме суда» вновь вводился состязательный процесс, восходящий к Соборному Уложению 1649 г.⁸ Такая ситуация должна была поставить судей в затруднительное положение, так как «Воинский артикул» сохранял силу и стал применяться в гражданских судах.

Исследователи петровского законодательства часто отмечают его путаность и противоречивость⁹, но между этими тремя указами нет непреодолимой пропасти. Анализ текстов законодательных актов показывает, что в розыскной процесс вводились некоторые элементы состязательности. По указу 1697 г., например, разрешался отвод ответчиком свидетелей истца «по недружбе или ссоре, или обидою какою и разореньем». «Воинский артикул» разрешал челобитчикам и ответчикам посылать вместо себя в суд адвокатов или других уполномоченных лиц, хотя кодекс оговаривал, что «токмо при розыскных делах, которые случаются в Кригсрехте, оных вместо себя адвокатов употреблять не позволяют, но принужден ответчик сам своею особою ответствовать». В цитате прямо говорится о

том, что состязательный процесс до сих пор находит свое применение. Указ «О форме суда» лишь закрепил общие основы порядка проведения процесса в суде: «не надлежит различать (как прежде бывало), один суд, другой розыск, но токмо один суд». Во всех указах наблюдается повышение роли государства в судебном процессе, что проявилось в его строгой регламентации. Это позволяет некоторым ученым говорить о непосредственной преемственности между данными законодательными актами¹⁰. Судьи не должны были испытывать в своей работе больших трудностей.

Понятия «суда» и «розыска» не были четко определены и разграничены в законодательстве. «Розыск» применялся при расследовании уголовных дел, государственных и должностных преступлений и не представлял собой особой формы процесса, он являлся его частью. При необходимости розыск использовался при разбирательстве в суде гражданских исков, связанных с уголовными преступлениями. «Судом», по всей видимости, назывался процесс, в котором розыск не применялся, но он использовался все реже. После указа «О форме суда» произошло своеобразное объединение двух понятий процесса. Термин «суд» стал использоваться для общего определения судебного процесса, «розыск» оказался практически обязательной, предваряющей его частью. Это был конструктивный момент судопроизводства, который позволял контролировать бессмысленное говорение. Термины «суд» и «розыск» продолжают использоваться в их прежнем понимании.

Розыск не мог бесследно исчезнуть после 1723 г., об этом говорят источники. Например, Григорий Леонов в доношении В. Геннину от 4 февраля 1724 г. просит о проведении розыска по делу о злоупотреблениях полковника Сухарева и губернской канцелярии¹¹. В письме В. Геннина от 12 июля 1724 г. к кабинет-секретарю Петра I А.В. Макарову сообщается о поимке трех разбойников с сообщниками, которые грабили струги с хлебом на Каме, «крестьян в домах грабили и жгли на огне», убили приказчика Строгановых Беляева. В. Геннин, находясь на Пыскорских заводах, собирался «следовать и розыскать их дело»¹².

Инструкция «за руками» всех членов Тобольского надворного суда земскому комиссару Дмитрию Карвацкому от 11 декабря 1723 г. также предписывала «в разбойных и в татинных и в убивственных и в других злодейских делах приводных людей роспрашивать и розыскивать по указам Е.и.в. и Уложению»¹³.

Основными законодательными актами по гражданскому и уголовному праву периода являлись Соборное Уложение 1649 г. (в основном его десятая глава) и новоуказные статьи, уточнявшие и изменявшие нормы Соборного Уложения. Данные указы рассылались по всем ведомствам, копировались и хранились в каждом из них. Например, указ «О форме суда» был получен из Берг-коллегии 19 февраля 1724 г. и хранился в канцелярии генерал-майора В. Геннина. «И в Сибирском обер бергамте о том ведать. И чинить по тому указу»¹⁴. Это говорит о значении данного законодательного акта.

Земские судьи и судьи Тобольского надворного суда в процессе следствия широко пользовались услугами военных. Начиная с ранга капитана, военные чины привлекались к предварительному расследованию преступления, тогда как в обязанности судьи входили анализ собранных фактов и вынесение приговора по делу, то есть канцелярская работа. На военных лежали обязанности поимки преступников и бежавших колодников, проведение допросов, пыток и т.д. Нижние чины охраняли каторжников, следили, чтобы никто не сбежал. Например, в апреле 1722 г. земский судья Венедикт Томилов просил Горное начальство прислать для допроса на Уктусс двух драгун уктусской роты Антона Просвирина и Петра Поздеева по делу о побеге каторжников, которых они охраняли. Горное начальство в лице И. Блиера распорядилось выполнить просьбу судьи¹⁵. Военные чины были широко задействованы на протяжении всего судебного процесса.

В июне 1724 г. В. Геннин отослал из Екатеринбурга в Тобольск «для апробации процесс и экзекуции» «горных служителей» Т. Братцова по обвинению в умышленном убийстве и Сабанеева, который обвинялся в воровстве казенных денег. Предварительное расследование В. Геннина показало, что Братцов «блудно жил з женой и нанял четырех человек той женки мужа до смерти убить и сам при том смертном убийстве в ноче был, и мужа ея задавили, и в воду утопили». В ходе расследования использовались такие элементы розыска, как пытка, допрос и очная ставка. В результате пытки Братцев признал свою вину и назвал сообщников по преступлению, «которые поимены також винулис». Расследование проводилось в соответствии с Уложением 1649 г. и «Кратким изображением процессов или тяжб» 1716 г. В. Геннин не вынес приговора по делу, отослав его в Тобольский надворный суд вместе с

преступниками, тем самым ничего не нарушив. Дело Сабанеева принадлежало к сфере компетенции «горного ведомства». Приговор по нему В. Геннин вынес самостоятельно. Сабанеев был «бит кнутом и послан в Тоболеск для отсылки в Нерчинск». Надворный суд в Тобольске не смог провести дополнительное следствие и вынести окончательный приговор по делу Братцова, не посмел отослать Сабанеева в Нерчинск, так как оба преступника объявили «слово и дело» «по первому и второму пунктам на генерал-майора Геннина». Дело приняло новый оборот. Тобольск получил необходимое ему дело на В. Геннина, который просил императора поручить расследование дела верному человеку при новом губернаторе, а не при надворном суде. До окончания расследования приговоры над Братцовым и Сабанеевым не могли быть исполнены¹⁶.

Объявление «государева слова и дела» очень часто тормозило деятельность Тобольского надворного суда. В 1723 г. суд расследовал уголовное дело вора Сергия Маторыгина. По отношению к нему были применены допрос и пытка, в результате которых он признал себя виновным в трех разбоях и одной татьбе. По Соборному Уложению 1649 г. и указу от 10 ноября 1721 г. вору грозила смертная казнь¹⁷. В надежде смягчить приговор вор объявил «слово и дело», сказал, что «знает в Тобольском уезде серебряную руду». Надворный суд передал Маторыгина главе горного ведомства В. Геннину¹⁸. Исполнение приговора было отложено.

Одним из наиболее громких дел, которое является самостоятельной темой исследования, было дело о злоупотреблениях судебных комиссаров Каменского и Уктусского горнозаводских дистриктов Венедикта Томилова и Гавриила Черкасова. В силу ведомственного подчинения этих территорий, судебные материалы по данному розыску наиболее полно представлены в ГАСО. На основе сохранившейся документации можно проследить все ступени расследования и процесса. Инициатором начала расследования по делу стал сам В. Геннин, который очень серьезно отнесся к обустройству казенных железоделательных заводов. Одной из целей генерал-майора могло быть приобретение всей полноты судебной власти во вверенных ему дистриктах, так как сразу же после арестов Томилова и Черкасова на Уктусском заводе были назначены новые, «временные судьи». Подьячие, ранее находившиеся в подчинении судей Томилова и Черкасова, оказались в распоряжении Сибирского обер-бергамта. «А которые подьячие были по ука-

зу в канцелярию к судным делам... взял прикащик Каменных заводов Володимер Стадухин в земскую кантору, а в канцелярию у судебных дел подъячих нет и дел Е. и. в. отправлять некому»¹⁹. Розыск по делу длился почти два года.

Бесспорно, что на Урале и в Западной Сибири в 1723 – 1724 гг. наиболее скандальными преступлениями были должностные, инициатором возбуждения дел по которым чаще всего был В. Геннин (как представитель государства). Тобольский надворный суд просто не мог остаться в стороне от их расследования, так как многие дела возбуждались против его подчиненных – земских судей. Как высшая судебная инстанция Сибирской губернии надворный суд должен был выносить приговор по всем делам, касавшимся Тобольского судебного округа. Кроме того, В. Геннин обычно сообщал обо всех делах в доношениях в Москву и Петербург. Оттуда в Тобольский надворный суд приходило указание о необходимости изучить дело.

В. Геннин имел достаточно полномочий для того, чтобы начать следствие практически по любому делу. Он нередко посылал расследовать обстоятельства какого-нибудь случая доверенного военного из своей команды²⁰. В июле 1723 г. В. Геннин поручил расследование дела по доношению, полученному от фискала И. Крупенникова, о злоупотреблениях комиссара Ф. Фефилова и земского судьи В. Томилова майору Тобольского полка прибалтийскому немцу И. Брикгаузену. Для наилучшего исследования вопроса В. Геннин сформировал целую розыскную канцелярию. Брикгаузену предлагалось «взяв человека-другова афицеров из русских, да камисара Неелова, который в приказном порядке искусен, також де фискала Крупенникова, изследоват вправду по указу и по Уложению». Состав розыскной комиссии, как видно из приведенного перечня в документе, был достаточно сильным. Предполагалось присутствие уполномоченного в таких делах фискала и земского комиссара С. Неелова, хорошо знакомого с Уктусскими заводами²¹. Комиссия в своей работе опиралась на статьи Соборного Уложения 1649 г. и новоуказные статьи и, таким образом, строго действовала в рамках существующего закона. В ходе следствия были опрошены главные виновники и широкий круг свидетелей и потерпевших. Показания протоколировались для дальнейшей отсылки в Тобольский надворный суд, со всех потерпевших и свидетелей собирались челобитные, реестр которых был передан тому же суду. Процесс носил розыскной характер.

В. Геннин сообщил судьям о начале расследования только после официального запроса из губернского центра²². После того как В. Геннин известил Тобольск о начале процесса, надворный суд попытался перехватить инициативу. 26 июля 1723 г. суд послал В. Геннину промеморию, в которой требовал повести расследование по данным преступлениям²³. Только 22 августа 1723 г., после розыска, генерал-майор по требованию надворного суда приговорил отослать в Тобольск вместе с расследованными делами земских судей Томилова и Черкасова и подьячего А. Гобова. Во время розыска было возбуждено еще несколько сопутствующих уголовных дел. Весь ход работы по этим делам генерал-майор держал под строгим контролем. После передачи материалов дела в суд, где должны были вынести приговор и привести его в исполнение, если это было возможно без участия Преображенского приказа, В. Геннин продолжал им интересоваться²⁴.

Предварительное расследование выявило наличие серьезных злоупотреблений чиновников своей властью. И. Брикгаузен в доношении от 12 июля 1723 г. «господину артиллерии генералу маэору Вилиму Ивановичу Геннину» квалифицирует преступления земского судьи Томилова по широкому кругу статей Соборного Уложения 1649 г. и новоуказным статьям, что могло характеризовать последнего как совершенно некомпетентного чиновника. Ему ставилось в вину незнание законодательства, неумелое ведение делопроизводства, несоблюдение судопроизводства, взяточничество.

В процессе следствия выяснилось, что Томилов не занимался задержанием укрывателей и других сообщников воров и разбойников, которых по Соборному Уложению и новоуказным статьям предписывалось штрафовать и судить как разбойников – всего 36 человек. Земский судья не занимался судом над конокрадами, которые в числе 12 человек были отпущены на поруки без наказания и взятия с их дел пошлин. Совершенно не велись книги регистрации пошлин по исковым делам, судья пользовался конфискованными лошадьми («держал у себя в работе для прокормления»). Брикгаузен приложил к списку дел ряд подходящих статей Уложения, по которым Томилова предполагалось осудить. В качестве наказаний Томилова ожидали отстранение от дел, крупный штраф, публичное битье кнутом и, возможно, смертная казнь²⁵.

Все дела, разбиравшиеся Томиловым, можно поделить на те, что возбуждались гражданским иском, и те, которые начинались по

инициативе государства. Большинство из них носило уголовный характер, поэтому разбирались при помощи розыскного процесса²⁶. Последние, особо крупные следственные дела Томилова привлекли внимание Брикгаузена. Их майор исследовал более обстоятельно. К исследованным таким образом делам относятся два, следственные материалы и преступников по которым В. Геннин велел отослать в надворный суд. Первое дело было заведено по случаю укрывательства крестьянами Арамильской слободы «беглых воров тюремных сидельцев»; разбирательство по нему произведено не было: «И те крестьяне без розыску и без наказания отданы на поруки». Томилов объяснял это тем, что они были отпущены «до указу», то есть до требования из Тобольского надворного суда. Именно это судебное учреждение должно было заниматься вопросами такого рода. «Указ» из надворного суда так и не пришел, дело остановилось. Видимо, суд не хотел утруждать себя разбором таких «мелочей»²⁷.

Вторым делом является розыск крестьянина Арамашевской слободы Лаврентия Лашко. Оно было возбуждено после дачи показаний пойманными ворами и разбойниками, полученных у них Томиловым под пыткой. «В допросе и в застенке с пытки» Лашко признался в убийстве трех воров: «убил одного на своем анбаре, двух под Бучиной деревней по з[о]ву». Об этом он известил органы местного самоуправления. Содержание «пристани» он отрицал, потребовав очной ставки с доносителями и переноса рассмотрения дела в Тобольск «для подлинного розыску». Земский судья не удовлетворил запроса Лашко и «отпустил его в дом без допросу и розыску», взяв с него в качестве пошлины двух лошадей²⁸. Анализ первого следствия по делу Лаврентия Лашко В. Томиловым также показывает, что земский судья сознательно не передал дело в надворный суд. Это может быть связано с тем, что надворный суд, округ которого охватывал значительную по площади территорию, стремился ограничить нескончаемый приток уголовных дел из дистриктов. Возможно, земским судьям говорилось об этом неофициально; последние после этого получали право судить дела по своему усмотрению.

Состав преступлений земского судьи Черкасова несколько отличался от тех, что предъявлялись Томилову. В присланном в Тобольский надворный суд в октябре 1723 г. реестре о количестве и содержании челобитных на судью Черкасова доминируют жалобы, уличающие его во взяточничестве и неправомерном изъятии у населения лошадей и других ценностей²⁹.

Реестр дел, которые были разобраны Черкасовым за все время работы земским судьей на Каменских заводах (с 1 января 1722 по 1 марта 1723 г.), показывает, что соотношение между гражданскими исками и уголовными делами было почти один к одному. Большая часть уголовных дел, поступавших от челобитчиков, представляет собой обвинения в краже лошадей. Это могло стать причиной недоразумений между истцом, ответчиком и судьей. Общий список «вершенных» дел дает представление о низкой правовой культуре населения подведомственных Г. Черкасову слобод³⁰. Это неудивительно, так как основной процент прибегавших к помощи земского судьи людей составляло крестьянство, отставные солдаты и заводские служители, вышедшие из крестьян, служилые и оброчные татары. Можно отметить, что в судебном разбирательстве принимали участие и женщины, правда, при участии родственников мужского пола с их стороны. Общее количество судебных разбирательств не превышало пяти–шести в месяц (в основном весна–осень, время подготовки к новому сельскохозяйственному сезону, когда активность населения находилось на пике). Остальное время года судья был свободен и мог иметь нужду в средствах первой необходимости (если были перебои с выплатой жалования). Кроме того, судья имел взрослого сына, который, по всей видимости, чувствовал себя вправе пользоваться властными полномочиями отца в корыстных целях.

Расследование майора Брикгаузена длилось почти три месяца: с июля по сентябрь 1723 года. 14 сентября 1723 г. судебные комиссары В. Томилов и Г. Черкасов, подъячий А. Гобов, а также ряд попавших под следствие крестьян – «смертных убийц и воров» – были отправлены в Тобольский надворный суд для дальнейшего следствия. Розыск надворного суда закончился постановлением о невозможности расследования дела, так как Геннин отказался прислать в судебную канцелярию всех челобитчиков и доносителей, объясняя это тем, что в «заводах в делах» наступит «остановка». Это действительно было очень трудно осуществить на практике³¹. Несмотря на доношения В. Геннина о расследовании этого случая кабинет–секретарю А.В. Макарову и в Тобольскую губернскую канцелярию в 1724 г., дело о должностных преступлениях на некоторое время оказалось приостановлено³². Генерал предложил суду выслать одного из ассессоров и заняться расследованием обстоятельств прямо на месте. Тобольский надворный суд в ответной промемории

отказался выполнить просьбу генерал-майора, сославшись на отсутствие соответствующих полномочий. Суд выслал подробный отчет о деле в Юстиц-коллегию³³.

За время ожидания ответа из Юстиц-коллегии генерал-майор начал процесс по делу о злоупотреблениях краснослободского судебного комиссара Матвея Головкова, «на которого 60 челобитен есть от народа в лихоимстве, в чем винулся и роздал челобитчиком назад с 50 рублей и протчим хотел всем платить». В результате допроса М. Головков показал, что был назначен в Краснослободский дистрикт в конце апреля 1723 г. по своей просьбе, за что уплатил значительную сумму денег вице-президенту Тобольского надворного суда Р.Т. Ушакову, дьяку Семену Прасолову и подьячему Василию Суботину. Кроме того, в декабре этого же года краснослободский комиссар послал надворным судьям Р.Т. Ушакову, кн. Н.Б. Мещерскому и А.М. Коротееву по быку³⁴. Расследование по данному делу также затянулось. Решение о необходимости судебной процедуры по существу вопроса в последний раз пришло из Сената в Тобольскую губернскую канцелярию только в 1727 г.

Ответ из Юстиц-коллегии по делу о злоупотреблениях земских судей был написан в середине сентября 1724 г. Поэтому Тобольский надворный суд принял решение о необходимости послать «в Каменские и Уктусские заводы» асессора Кондырева «исследовать о всем тамо без упущения в немедленном де времени» только в марте 1725 г.³⁵ В начале апреля 1725 г. на Каменских заводах с новой силой развернулось следствие, в котором главную роль играл не генерал-майор, а Тобольский надворный суд. Присланный судья не смог наладить самостоятельное расследование по делу. Все свидетели пересылались через канцелярию Сибирского обер-бергамта, которая часто отказывала судье в содействии и просила «писать, какое до онаго дело касаетца, чтоб прислать известие, по которому будет взято ответствие»³⁶. После того как Кондырев попросил прислать на Каменские заводы «зборные крестьянские книги» всех слобод Каменского дистрикта за 1721 – 1723 гг., хранящиеся в обер-бергамте, ассессору было предложено перебраться в Екатеринбург³⁷. Сибирский обер-бергамт объяснял это не только прямым распоряжением указа из Юстиц-коллегии, но и удобствами следствия. («Ежели какая справка возымеется, то вскорости имеет ответствовано быть»). Таким образом, самостоятельность судьи сводилась на нет, кроме того, Кондырев лишился близости к оби-

женному Черкасовым и Фефиловым народонаселению. Тем не менее, Сибирский обер–бергамт продолжал в течение всего периода следствия оказывать некоторую помощь надворному судье. В июле 1725 г., например, был выявлен ряд злоупотреблений с лошадьми судьи Г. Черкасова³⁸. Окончание расследования теряется в фонде «Уральского горного управления».

Так же надворный суд завершил расследование дела о финансовых злоупотреблениях бывшего нерчинского коменданта Федора Качалова. Значительное влияние на этот следственный процесс оказал архиерейский приказ, так как Федор Качанов к моменту рассмотрения дела превратился в схимонаха Феодосия, наместника архиерейского дома. Так как в число полномочий архиерейского приказа входили сбор пошлин, суд и расправа над подведомственным ему населением, «бывшаго патриарша дому и архиерейские и монастырские и церковные вотчины... служителей»³⁹, дело приобретало межведомственный характер. Это стало одной из причин волокиты, которая мешала расследованию дела (переписка между архиерейским приказом и Тобольским надворным судом длилась с июня 1723 по 1724 годы)⁴⁰.

В 1722 г. и 3 июня 1723 г. в канцелярию архиерейского приказа митрополиту Тобольскому и Сибирскому Антонию поступили доношения постриженника Знаменского монастыря иеромонаха Филиппа на находящегося при архиерейском приказе схимонаха Феодосия «в слышании слов от пришлого человека от Григория Дубровина»⁴¹. Филипп обвинял Феодосия в растрате серебра, добытого на Нерчинских рудниках. Так как по третьему пункту указа от 25 января 1715 г. дела о финансовых злоупотреблениях расследовались в надворных судах, «богомolec» был отправлен со своим доношением к провинциал–фискалу Т. Замощикову, который ознакомился с делом и в тот же день отослал Филиппа под арест «на гопвахту». «И с того ареста» иеромонах был «переведен в канцелярию надворного суда».

14 июня 1723 года при полном составе надворного суда – вице президенте Ушакове и четырех ассессорах – Филипп был допрошен. Расследование по делу началось. Сразу после допроса надворный суд отправил ряд служебных промеморий в Тобольскую губернскую канцелярию и архиерейский приказ. Надворный суд сделал необходимые запросы по делу в Тобольскую губернскую канцелярию, в которой хранилась вся приходо–расходная учетная

документация. Соответствующая промемория была послана в архиерейский приказ, так как в подведомственных ему вотчинах проживали все участники дела: «наветчик» гулящий человек Григорий Дубровин, свидетель разговора вкладчик Кодского монастыря Яков Тихонов и сам схимонах Феодосий.

Тобольская губернская канцелярия, имевшая достаточно близкие связи с надворным судом, не задержалась с ответом и предоставила копии требовавшихся документов. С канцелярией архиерейского приказа дела обстояли сложнее. Ответные промемории из приказа пришли в надворный суд только в июле. В промемории от 17 июля 1724 г. митрополит Антоний напомнил надворному суду о разграничении подсудности между ведомствами Юстиц-коллегии и Синода и отказался присылать в канцелярию суда Тихонова и Дубровина, так как они не принадлежали ведомству архиерейского приказа. Митрополит временил и с отсылкой схимонаха Феодосия. Приказ затребовал от надворного суда все имеющиеся по делу сведения, хотел сам разобраться с этим делом⁴². Такая позиция митрополита была во многом предсказуема и объяснима. Дело касалось не только схимонаха Феодосия, который являлся наместником архиерейского дома и был близок к митрополиту Антонию, но и вкладчика одного из монастырей. Обнажались, по-видимому, и внутриведомственные споры между священнослужителями, которые церковь обычно не любила выставлять напоказ. Все эти обстоятельства наложили отпечаток на расследование.

Переписка промемориями между надворным судом и канцелярией архиерейского приказа длилась до осени 1723 г. За это время канцелярия архиерейского приказа сумела предоставить суду только показания схимонаха Феодосия в письменном виде. Постриженник Знаменского монастыря Филипп все это время находился под арестом в судебной канцелярии. Это доставляло значительные неудобства не только Филиппу, но и самому суду. Только после очередного слезного доношения от иеромонаха Филиппа в Тобольский надворный суд, написанного 23 сентября 1723 г., из канцелярии архиерейского приказа прислали гулящего человека Григория Дубровина. Судя по тексту доношения, Г. Дубровин провел все время расследования в стенах архиерейского приказа, который объяснял задержку отсутствием в Кодском монастыре вкладчика Якова Тихонова⁴³. На допросе Г. Дубровин отверг все заявления иеромонаха Филиппа. Он показал, что ничего не знает о растрате нерчинского серебра,

хотя признался в знакомстве с бывшим комендантом Нерчинска Федором Качановым. Схимонах Феодосий в своей новой роли помог Г. Дубровину найти работу. Эти обстоятельства, конечно, не давали Г. Дубровину возможности донести на Феодосия. Кроме того, невинность Феодосия (Федора Качанова) подтверждали и присланные из Тобольской губернской канцелярии копии документов о привезенном из Нерчинска в Тобольск серебре⁴⁴.

Расследование дела на этом можно было бы назвать завершенным. Несмотря на это, доноситель иеромонах Филипп остался под арестом и находился на содержании Тобольского надворного суда, о чем свидетельствуют его доношения о необходимости рассмотреть дело, написанные в марте 1724 г.⁴⁵

Все вышеперечисленные дела дают представление о взаимоотношениях Тобольского надворного суда с другими государственными учреждениями, возникшими в результате реформ Петра Великого. Областные преобразования не стали всеобщими, а подсудность населения по многим вопросам оказывалась очень спорной. Взаимоотношения между отдельными ведомствами влияли на проведение судебного процесса. Тобольский надворный суд некоторое время являлся активным исполнителем административной реформы Петра Великого в Сибирской губернии, так как местный аппарат управления в это время находился в состоянии практически полной дестабилизации и дезорганизации. Для решения данной проблемы надворному суду пришлось на некоторое время отказаться от полного осуществления своей прямой функции – судопроизводства. Расследование дела о злоупотреблениях земских судей достаточно ярко показывает, что работа по созданию группы специалистов–судей оказалась несвоевременной. Анализ материалов дел по расследованию должностных преступлений Томилова и Черкасова позволяет говорить о том, что земские судьи не получали достаточной заботы от центральных органов власти и предпочитали заботиться о себе сами, поэтому проведение следствия по делу и вынесение приговора по нему зависели от многих обстоятельств. Само местное население воспринимало земского судью скорее как мирового посредника, разрешающего споры. Собираемые за редкие судебные разбирательства пошлыны в связи с этим могли восприниматься крестьянами как подношения судье, а не как предусмотренный законом государственный сбор. Плохое ведение делопроизводства, которое осуществлялось во время разбирательств,

было связано с отсутствием соответствующей материальной базы в канцелярии судьи: неимением чернил и бумаги, средств, необходимых для содержания колодников и перевозки их в Тобольск и т.п.

Во втором случае речь шла о соотношении таких двух важных институтов, как государство и церковь. Рациональные начала государственного устройства столкнулось здесь с иррациональным чувством веры. Несмотря на то, что церковь в результате реформ первой четверти XVIII века стала частью государственного аппарата, она сохранила свой вес. Дела духовные в некоторые моменты жизни населения Сибири становились гораздо важнее светского судебного разбирательства, даже если оно имело важное государственное значение. Архиерейский приказ был «вотчиной» митрополита Тобольского и Сибирского Антония, который не давал в обиду своих людей. Эти обстоятельства также влияли на полноту материалов, собираемых судьей во время розыска. Процесс тормозился. Предварительное расследование оказалось здесь в руках архиерейского приказа.

Тем не менее, можно заметить, что в период второй областной реформы сохраняется суд тяжущихся, который чаще всего находился в руках земских судей, и происходит закрепление и развитие судебного процесса, возбуждаемого государством по доносу подданных. Большая часть дел, сохранившихся до наших дней и обращающих на себя внимание, затрагивает государственный интерес, носит публично-правовой, а не частный, характер. Некоторые дела из разряда частных после начала разбирательства переходят в разряд публичных. Это ясно говорит о повышении роли государства в жизни общества. Само население предпочитает решать дела не обычным третейским разбирательством, а судом, в котором непосредственное участие принимает государство. Интерес государства используется в интересах подданного.

Сам процесс состоит теперь в основном из двух частей: предварительного расследования дела и непосредственного судебного разбирательства с судоговорением, что соответствует положениям «Воинского артикула» 1715 г. и «Указа о форме суда» 1723 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Богословский М. Областная реформа Петра I. Провинция: 1719–1727 гг. М., 1902; Мрочек-Дроздовский П. Областное управление в России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. Управление эпохи первого учреждения губерний. М., 1876.

² Исключением являются работы историков М.Я. Феноменова (*Феноменов М.Я.* Углицкая провинция при Петре Великом. Бытовые очерки. М., 1923) и Ю.В. Готье (*Готье Ю.В.* История областного управления России от Петра I до Екатерины II. М.; Л., 1941), продолживших традиции дореволюционного периода.

³ *Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество: Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; *Он же.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003; *Редин Д.А.* Административный статус уральских дистриктов конца первой четверти XVIII века. (Предварительные наблюдения) // ПИР. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. Екатеринбург, 2003. С. 272–289; *Он же.* Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–24 гг. // Русские старожилы. Мат. III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 316–319; *Он же.* Личная канцелярия генерала де Геннина: характер учреждения, штат, сфера компетенции и организация делопроизводства // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. V. Екатеринбург, 2003. С. 36–63; *Он же.* О разграничении юрисдикций гражданских и горных властей в западных провинциях Сибирской губернии (на примере уголовных дел 1723–1724 гг.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 105–123.

⁴ В ней, как и по всей стране, было учреждено два надворных суда, которые рассадил судейских комиссаров в уездах.

⁵ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 794; Российское законодательство X–XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 394.

⁶ Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. С. 186.

⁷ ПСЗ. Т. 3. № 1572; Т. 5. № 3006.

⁸ ПСЗ. Т. 7. № 4344.

⁹ Даже Ю.М. Лотман отмечает противоречие между самооценкой «регулярной» петровской государственности и реальным уровнем административной деятельности и ее законодательной базы. При Петре так и не был создан даже Свод Законов, между тем как в допетровской Руси судебники составлялись легко (*Лотман Ю.М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 247).

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. С. 396.

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 34. Л. 82. Правда, это было до получения указа.

¹² *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост., вступит. статья, ком. М.О. Акишина. Екатеринбург, 1995. С. 226–227. № 50.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 94. Л. 445.

¹⁴ Там же. Д. 34. Л. 1.

¹⁵ Там же. Оп. 12. Д. 31. Л. 148–149.

¹⁶ *Геннин В.* Уральская переписка... С. 225. № 49.

¹⁷ Соборное Уложение 1649 г. С. 119. Глава XX; ПСЗ. Т. 6. № 3847.

¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 34. Л. 57–58 об.

¹⁹ Там же. Д. 24. Л. 143 об.–144 об.

²⁰ «И понеже по изустному указу Его Императорского величества велено мне все худые порятки, которые к заводам противны, исправить и изследоват и доносит к Его Величеству, а не в Тобольск в надворный суд» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 14 об.)

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 14 об.

²² Он пришел в обер–бергамт в июне 1723 г. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 143–146 (запросы о заключении в обер–бергамте Г. Черкасова и В. Томилова).

²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 20–21 об.

²⁴ Там же. Л. 22–22 об.

²⁵ Там же. Л. 16 об.–19.

²⁶ Например, «по челобитью казанского подячего Михаила Цывирицына в покраденных денгах в пяти стах двадцати осьми рублях. Уктусского жителя Семена Котугина сына ево Еремея пытал Томилов в застенке, а сестру ево при пытке раздевал». (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 18 об.–19).

²⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об.

²⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

²⁹ Там же. Л. 28–29.

³⁰ Там же. Л. 41–44 об.

³¹ Там же. Л. 25 об.–26.

³² *Геннин В.* Уральская переписка... С. 197, 431–433. № 39; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 33. Л. 14–15 об.

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 31–31 об.

³⁴ Там же. Д. 33. Л. 15–15 об.

³⁵ Там же. Д. 78. Л. 10–11.

³⁶ Там же. Л. 193.

³⁷ Там же. Л. 318–318 об., 327–328 об.

³⁸ Там же. Д. 74. Л. 143–143 об.

³⁹ Там же. Д. 35. Л. 274–275 об.

⁴⁰ Подробнее об этом деле см.: *Пензин Э.А., Шашков А.Т.* «Дело монаха Феодосия» (материалы к биографии сибирского администратора Ф.Р. Качалова) // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 113–134.

⁴¹ ГАСО. ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 285–286.

⁴² Там же. Л. 274–275 об.

⁴³ Там же. Л. 266–266 об., 286 об.–287.

⁴⁴ Там же. Л. 257–265 об.

⁴⁵ Там же. Д. 29. Л. 31.